

Оглавление

1. В ЛАГЕРЬ	
Подземные черти	
на гниющих лошадях.	9
2. НА НОЖАХ	
Объект консервации со строгим	
запретом доступа.	46
3. ИЗ-ПОД ЗЕМЛИ	
Летательный аппарат неизвестного	
происхождения.	93
4. ПОД КОНТРОЛЕМ	
Странная вспышка	
неопознанной болезни.	126
5. ПО СЛЕДУ	
Настоящий призрак	
из взорванного самолета.	151
6. КАК СОБАКА	
Багровая жидкость	
из шпионского чемодана.	181
7. ИЗ ПРОБИРКИ	
Магический лазер	
африканского шамана.	222

8. НА ВЗЛЕТ	
Применение средств	
химической защиты.....	267
9. В ПАДЕНИИ	
Бесконечная тишина	
в безоблачном небе.....	303
10. БЕЗ НАДЕЖДЫ	
Чумной могильник	
вместо зарытых сокровищ	324
11. ДО СМЕРТИ	
Беспрекословное исполнение	
приказов начальника.....	350
12. ДО НЕБА	
Последний раз	
в этой жизни	375

Настоящая история представляет собой настоящий вымысел и (или) художественное сочинение. Эта вот история не исключение. Все совпадения героев, событий, географических зон, названий, учреждений, исследований, топонимов, симптомов, биохимических процессов, совершенно секретных сведений, обстоятельств и дат с реальными следует считать случайностью. Не ищите их в хрониках и на картах. А если найдете, автор не виноват.

1. В ЛАГЕРЬ

Подземные черти
на гниющих лошадях

Утро было теплым, ветер слабым, небо ясным, а местность однообразной, но величественной. Сверху она напоминала неровное пятно, выстриженное трясущейся рукой на бескрайнем мохнатом боку — например, темно-зеленого бизона. Густой смешанный лес, вырубленный за сотню лет вдоль рек, а потом железной дороги, северо-западнее плавно переходил в тайгу, а южнее и восточнее — в болотистые лесостепи. Ни их, ни выстриженное пятно Земских не видел почти год. Вот тоже мне летчик-ас, подумал он так, что даже неспетая строчка прозвучала хрипловато, и так же хрипловато рывкнул набегающий поезд.

Обухово было не станцией, а полустанком, поезд, прибывший в семь ноль пять, в семь ноль семь

двигал дальше, и обычно никто из него не выходил ни покурить, ни купить горячей картошечки с укропом и малосольных огурцов, а тем более никто не сходил с концами. Потому что зачем?

Оттого не было здесь ни бабок с картошкой, ни таксистов, ни даже урны на узком дощатом перроне. И в здании полустанка, возможно, не было никого — то ли по утреннему часу, то ли по жизни. Только репродуктор из-под низкой крыши дудел какую-то малоразборчивую классику.

Капитан Земских не был здесь ни разу. Прилетел он в Михайловск как нормальный офицер ВВС, на военном, пусть и антикварном, Ли-2 — и дальше собирался летать, как велел разум, давший нам руки-крылья, а не ползать по чугунным тропкам. Летную перспективу Михайловск временно утратил, но теперь она возвращалась — прямо сейчас, по чугунным тропкам.

Земских прикинул и встал там, где должен остановиться пятый вагон. Угадать, естественно, не удалось. Вагон миновал перрон и остановился так, что расстояние от пола тамбура до насыпи позволяло тренировать начинающих десантников. Пассажир, впрочем, спрыгивать не стал, а очень аккуратно сполз, утвердившись сперва на одной, потом на другой ноге, — и Земских насмешливо подумал, что парень-то себя бережет, — а руку с дипломатом отведя для сохранения равновесия. Иного багажа у капитана, похоже, не было. С одной стороны, и правильно — какой там багаж у командированного на пару недель офицера: рубашка, бритва да пара трусов. А с другой — странновато.

Пассажир отсалютовал свободной рукой проводнице и направился к спешившему навстречу Земских.

Сошлись капитаны, когда поезд, заорав, тронулся и побежал прочь. Говорить в этих условиях было бесполезно, поэтому они молча обменялись рукопожатием и после приглашающего жеста Земских зашагали не к перрону, а сразу по спуску к объездной.

На татарина Сабитов был похож не больше, чем, например, сам Земских. Как, впрочем, и все татары, встречавшиеся капитану. Подпольный какой-то народ, за любой другой сойдет — ну и из других выскребать легче, подумал Земских.

Капитаны были вообще как одного калибра: примерно одинакового роста, сложения и возраста — ну, Земских на пару лет постарше, ему уже сорок, но это в глаза не бросалось, а Сабитов не по сезону загорелый, что тоже, понятно, не национальная, а служебная особенность. Оба, хоть с дороги и после раннего подъема, отглажены, выбриты и пахнут одеколоном «Саша». Есть такая профессия — быть огурчиком с ранья.

— Земских Владимир Васильевич, замначальника авиационной комендатуры, — заговорил Земских, как только стало возможно. — Добро пожаловать. Начальник, Денис Федорович, ждет вас с нетерпением. Да все мы ждем, потому что сил уже никаких.

Он улыбнулся, ожидая встречной шутки или хотя бы вежливого вопроса в развитие темы, но Сабитов лишь кивнул, будто соглашаясь, что да, как такого красавца-то не ждать.

— Так себе не по небу-то дистанции преодолевать, а?

— Мы привычные, — сухо сказал Сабитов и бросил взгляд, кажется, выразительный, на открывшуюся им брезентовую крышу уазика.

А ты думал, «Волгу» тебе зарядим или «Чайку» маршальскую, мстительно подумал Земских и объяснил:

— Стратегическое средство для стратегических условий. По таким дорогам ни на чем другом и не проехать. Но мучиться недолго, до части шестьдесят километров, в полтора часа всяко уложимся. Заодно прикоснемся к цивилизации, как без этого.

Сабитов ждал объяснений без улыбки.

— Через поселок проедем, — сообщил Земских, не сходя с легкого тона уже не собеседника ради, с ним более-менее все ясно, а из упрямства и самоуважения. — Он такой, малый, но милый. В любом случае ничего интереснее в округе нет и вряд ли ожидается.

— Я только за, — сказал Сабитов. — Немножко без интересного — это ровно то, что нужно.

— Неинтересного насыпем с горкой, — пообещал Земских.

На душе у него полегчало: похоже, важный квартирьер не понтовался и кислую морду носил не из вредности и не из-за скверного владения русским, что случалось. Говорил гость без акцента. Просто по жизни сурьезный такой. Ну так это часть служебных обязанностей замначальника — делать серьезные обстоятельства не такими серьезными,

особенно когда речь идет о шкурных интересах и светлом будущем вверенной части.

Узик тронулся под бравурный марш, сменивший в репродукторе Чайковского: началась утренняя радиопередача.

— Доброе утро, дорогие товарищи, — бодро заявил диктор. — С началом первой рабочей недели лета вас!

— И тебе не хворать, — пробурчала Антоновна, на миг отвлекаясь от вливания вонючей подкормки в цветочные горшки.

Подкормка была новой, на перебродившем сусле. Ее рецепт давеча рассказал в телепередаче «Наш сад» довольно малахольного вида профессор, но комнатные цветы, возвращенные им при помощи подкормки, даже в черно-белом изображении поразили воображение Антоновны.

У нее самой цветы были неплохими, и было их немало — да что скрывать, горшки в три уровня устали половину залы и все пространство вокруг кровати в спальне Антоновны, то есть больше трети одноэтажного деревянного домика, типового для Михайловска. И только необходимость перемещаться по дому несколько отодвигала окончательный триумф красоты над жильцами.

Антоновна прекрасно обошлась бы и парой узких тропок между шеренгами пластмассовых горшков, керамических бадеек и жестяных банок. Увы, внучка ее Райка, создание молчаливое, но упрямое, бабкиной страсти не разделяла. Цветы

Райку, кажется, побаивались — во всяком случае, не выживали в ее комнате, а вдоль постоянных маршрутов внучки жухли и сохли. Антоновна даже подозревала ее в мелком вредительстве, пока другой малахольный профессор в той же передаче не рассказал, что цветы чувствуют недоброе отношение и погибают от переживаний. С той поры Антоновна растила Райку в окружении не только красоты, но и добрых побуждений и постоянных напоминаний о том, что только блохастые собаки на других кидаются, а человек, особенно девочка, ежели не сучка какая, должен быть добрым ко всем, кроме, конечно, всякой сволочи, от которой спасу уже нет.

Откровенно говоря, спасу всякой сволочи и ее окружению не было как раз от Антоновны — в силу не столько тщательно лелеемой вредности последней, сколько изворотливости и упорства. Антоновна была гением изошренного товарообмена, прикладной комбинаторики и челночной дипломатии. Герой анекдота про внуку Рокфеллеров выглядел сосунком рядом с нею, с утра выходившей из дома с двумя брикетами киселя и ржавым селедочным хвостом, а чаще с пустой трехлитровой банкой, а возвращавшейся после сложной цепочки напористых бесед, быстрых перемещений и непредсказуемых безналичных операций с кульком кедровых орехов, пачкой чая, связкой черемши и свежей батареей «Крона» — а то и, был такой случай, с гигантской клешней сахалинского краба, выеденная и залакированная мумия которой до сих пор украшала верхнюю полку серванта. Население Ми-

хайловска при виде ушлой бабки разлеталось, точно капли по раскаленной плите, но Антоновна была еще и проворна вопреки колченогости.

Сусло для подкормки Антоновна выцыганила у кладовщика Гордого, мужичка бестолкового, но в хозяйстве и натуральном обмене удивительно полезного, всю ночь скакала вокруг банки, затянутой резиновой перчаткой, под напором газов быстро расправившейся в стандартный «привет Горбачеву», время от времени оттягивала манжету и умиленно принималась к букету одуряющей мерзости. Было понятно, что от столь невыносимого уродства могла родиться только совершенно невыносимая красота.

Антоновна почти склонила Райку к тому, чтобы и та принялась как следует и прониклась прогнозами, масштабными и ослепительными, как Продовольственная программа СССР. Райка сорвалась с крючка в последний момент, невнятно сославшись на внеклассное задание, которое у нее почему-то всегда сводилось к вязанию макраме и веревочных шишиг. Ничего, на ее и Антоновны век хватит подкормок, телепередач и малахольных профессоров. В следующий раз не увернется. А вдвоем они таких мичуринских успехов добьются — ведущие сами примчатся в Михайловск с телекамерами наперевес. И профессора первыми. Десять штук, один малахольнее другого.

Тут диктор как раз заговорил про новый уникальный гибрид декоративного цветка, выведенный батумскими селекционерами.